

уровне. А. Кизеветтер отметил: «Никакие разногласия с общественно-политическими воззрениями Г. В. Плеханова не могут ни в чьих глазах заслонить ни яркого литературного таланта, ни сильного и своеобразного ума и разносторонней эрудиции этого замечательного писателя и крупного политического деятеля»²⁸⁶.

Весной 1917 г. Г. В. Плеханова избрали членом «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Членами ассоциации были также выдающийся математик В. А. Стеклов, геолог и минеролог А. Е. Ферсман, биохимик С. П. Костычев, физиолог И. П. Павлов, крупнейшие ученые из различных отраслей наук — В. И. Вернадский, А. П. Крылов, Н. С. Курнаков, Н. Е. Введенский, А. Е. Фаворский, а также великий русский писатель А. М. Горький и другие.

IX. Г. В. ПЛЕХАНОВ В РОССИИ (1917—1918 гг.)

СЛУХ о свержении царя Николая II и о победе буржуазно-демократической революции в России до семьи Плехановых в Сан-Ремо дошел 14 марта 1917 г. Вскоре это было подтверждено множеством телеграмм из России. Так, Георгию Валентиновичу передали депешу от военного министра Временного правительства А. И. Гучкова, предлагавшего Г. В. Плеханову возвратиться на родину: «Ваш немедленный приезд был бы очень полезен для спасения отечества...», — говорилось в телеграмме.

Известие о победе революции в России глубоко взволновало Г. В. Плеханова. Он решил немедленно выехать на родину через Париж, Лондон и скандинавские страны. Утром 25 марта Георгий Валентинович с супругой поездом отправились из Ниццы в Париж, а оттуда, через три дня — в Лондон.

По пути на родину Г. В. Плеханов в Париже встречался со своим другом Ж. Гедом, видным основателем французской Рабочей партии; в Лондоне — с социалистом и журналистом Г. Гайдманом и российским социал-демократом Л. Г. Дейчем. Беседуя в лондонской гостинице с Л. Г. Дейчем, Георгий Валентинович поведал своему старому другу: «Я предчувствую, — сказал он, —

что мне не долго прожить в России, но нельзя не ехать: старый воин революции должен быть на посту, раз призывают его»²⁸⁷.

Пребывание Плехановых в Лондоне не афишировалось. В виду возможного нападения немецких подводных лодок было решено — из Англии тайно плыть на пароходе в Норвегию, а оттуда через скандинавские страны добраться в Россию.

Через несколько дней скрытного пребывания в английской столице, Плехановы отправились из шотландского северного порта Абердин в опасное плавание на восток, без какого-либо военного сопровождения. Вместе с ними на «невзрачном маленьком пассажирском пароходике находились французские журналисты, студенты, русские военнопленные, бежавшие из Германии»²⁸⁸.

Из норвежского порта Берген группа перебралась в Христианию (Осло), позднее в Стокгольм, а затем на финскую железнодорожную станцию Торнео, что на границе с Россией.

В Петроград, по одним данным, Г. В. Плеханов прибыл 31 марта, по другим — 1 апреля 1917 г., так как поезд на Финляндский вокзал прибыл в 24 часа²⁸⁹. Г. В. Плеханова встречали не только массы рабочих и молодых людей, общественные деятели, члены Петроградского Совета и Временного буржуазного правительства. На вокзал прибыли солдаты бывшей царской гвардии; встречали Г. В. Плеханова с музыкой и красными флагами. На Финляндском вокзале находились также делегации от городского и Василеостровского комитетов РСДРП, во главе которых стояли меньшевики.

Уставшего Г. В. Плеханова провели в бывшие царские комнаты, где его приветствовал председатель Петроградского Совета меньшевик Н. С. Чхеидзе. Передали Плеханову приветствие от министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского.

Первые ответные слова Г. В. Плеханова на вокзале свидетельствовали о том, что он остался социал-оборонцем: «Будем тверды, будем укреплять дело свободы внутри страны и всеми силами отражать внешнего врага»²⁹⁰.

Первоначально Плехановы остановились на квартире меньшевика Н. И. Иорданского. На следующий день Г. В. Плеханов выступил перед рабочими и солдатски-

ми депутатами Петроградского Совета. В своей речи он призывал к продолжению войны против Германии и Австро-Венгрии, «что если немец победит нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима»²⁹¹.

Эти же мысли Г. В. Плеханов пытался навязать рабочему классу в статье «Наша тактика», опубликованной также после Февральской революции. Он призывал рабочий класс России поддержать Временное буржуазное правительство, где еще раз заявил, что Россия должна продолжать войну против Германии до победного конца. «Если бы пролетариат отказал в своей поддержке нашему временному правительству под тем предлогом, что это правительство буржуазное, он увеличил бы в громадной пропорции шансы контрреволюции», и что Германия, одержав победу, «не замедлит взять нас под свое экономическое иго и восстановить наш старый политический режим. Русский пролетариат будет слепцом, если не увидит этой ужасной опасности»²⁹².

Резкая смена климата очень сильно подействовала на Г. В. Плеханова и после 3 апреля он вновь заболел. Между тем, визиты к нему не прекращались. Его посетили члены исполкома Петроградского Совета, а также генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, адмирал А. В. Колчак, делегации от Финляндского сейма, представители рабочих из Киева, французский политический деятель Альберт Тома, лидер черносотенцев В. М. Пуришкевич, председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко²⁹³.

Шовинистической была статья Г. В. Плеханова «Война и мир», опубликованная в издательстве Марии Малых в 1917 г. Он считал, что Германия, Австро-Венгрия и Турция — монархические государства, против которых республиканская Россия участвует в войне на стороне Англии и Франции. «Как можно не желать решительного поражения Австро-Германии? Как можно не желать столь же решительной победы России и ее демократическим союзникам?» Вот когда в Германии произойдет революция и будет свергнута монархия, тогда, по мнению Г. В. Плеханова, «надо войти в соглашение с революционной Германией. Но когда настанет этот радостный день? Увы, мы этого не знаем! Скажу больше: мы не знаем даже настанет ли он когда-нибудь»²⁹⁴.

Что сказать о Г. В. Плеханове после таких рассуждений? Как можно строить гуманное демократическое общество на основе варварского уничтожения целых народов? Да изменился ли характер войны после победы Февральской революции в стране?

В прошлом выдающийся теоретик марксизма — Г. В. Плеханов оправдывал кровавое избиение народов и позорные действия II Интернационала и даже нападал на горьковскую газету «Новая жизнь», призывавшую покончить с войной.

Несмотря на огромную популярность Г. В. Плеханова в России, его социал-оборонческие взгляды вызвали раздражение даже у меньшевиков столицы, имевших большинство мест в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Видимо, по этой причине Георгий Валентиновича ввели в Совет только с совещательным голосом.

В среде большевиков эти идеи Г. В. Плеханова вызвали также решительный протест. В статье «По стопам «Русской воли», напечатанной в «Правде» 13 апреля 1917 г. В. И. Ленин писал: «Бесстыдство г-на Плеханова переходит все пределы... Он превосходно знает, что бесчисленное количество раз все большевики без исключения, и в речах, и в статьях, и в резолюциях, заявляли: война со стороны Германии является столь же грабительскою, империалистическою, как и со стороны всех остальных воюющих «великих» держав»²⁹⁵. В «Правде» В. И. Ленин с огромным сожалением писал: «Жалко смотреть, до чего опустился этот бывший социалист!»²⁹⁶.

В апреле 1917 г. Г. В. Плеханов возобновил выпуск газеты «Единство», однако меньшевики-интернационалисты весьма прохладно отнеслись к этому событию. Большевики пытались наладить связи с Г. В. Плехановым, но он ответил: «Пусть извиняют меня эти товарищи, но я откровенно говорю, что встреча с ними является для меня нравственно невозможной»²⁹⁷.

Прикованный к постели Г. В. Плеханов продиктовал статьи для газеты «Единство»: «Социализм и борьба народов», «О тезисах Ленина...»²⁹⁸.

В статье «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересным» Г. В. Плеханов, пожалуй, впервые по прибытии в Россию заявил о преждевременности социалистической революции в стране, аргументи-

руя эту мысль такой метафорой: жернова русской истории еще не смолотили той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма.

Болезнь все больше изматывала Г. В. Плеханова, но иногда он находил в себе силы, чтобы выступить на рабочих собраниях и митингах. Так, 14 (27) мая он выступил перед рабочими Невского судостроительного завода, где снова говорил о своем отношении к войне, а также о перспективе развития социалистической революции в России, готовности российского пролетариата в ближайшее время взять власть в свои руки²⁹⁹. После митинга, как рассказывал Л. Г. Дейч, и «долго не смолкавших аплодисментов рабочие вынесли его на кресле из собрания... они пронесли его по улице... до автомобиля»³⁰⁰.

Во время июньской демонстрации 1917 г. Г. В. Плеханов выступил с шовинистической речью на площади у Казанского собора. Но среди участников митинга 18 июня рабочих было очень мало. Это был явный фарс и он не удался плехановцам.

После июльского расстрела 1917 г. Г. В. Плеханов поддался провокационной шумихе о том, что В. И. Ленин, якобы является агентом немецкого правительства. Как редактор газеты «Единство» Г. В. Плеханов заявил: «Если его (правительства) глава не сомневается в том, что беспорядки, оросившие кровью улицы Петрограда, организованы были при участии германских правительственных агентов, то ясно, что оно не может отнестись к ним так, как должно было бы отнестись, если бы видели в них только печальный плод тактических заблуждений меньшинства нашей революционной демократии.

Беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составной частью плана русской национальной самозащиты».

Эти слова Г. В. Плеханова привел в своей книге «Большевики приходят к власти» американский историк А. Рабинович (М., 1989). Далее А. Рабинович цитировал из газеты «Единство» следующие слова: «Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загораживает ей дорогу»³⁰¹.

После Февральской революции, как отмечал министр иностранных дел Временного буржуазного правительства П. Н. Милюков, в страну вернулись видные «представители русской эмиграции. Они представляли традицию русской революции, между ними имелись громкие имена — и люди, заслуживающие всяческого уважения... В первое время мы надеялись найти среди них полезных сотрудников; для Плеханова, например, мы готовили министерство труда. Но когда он приехал, мы сразу увидели, что это — уже прошлое, а не настоящее»³⁰².

И тем не менее, А. Ф. Керенский после расстрела июльской мирной демонстрации в Петрограде при встрече с Г. В. Плехановым 22 июля 1917 г. еще раз предложил ему пост министра торговли и промышленности. Г. В. Плеханов от этого предложения не отказался, но предупредил премьера, что ему придется в этом случае встретиться с оппозицией Советов. На этом переговоры закончились³⁰³.

Кульминационной точкой своего примирения с носителями и защитниками интересов капитала явилось участие Г. В. Плеханова в так называемом государственном совещании, созданном 12—15 августа 1917 г. в Москве по инициативе А. Ф. Керенского. Сюда прибыли представители от купцов и промышленников, банкиров и членов IV Государственной думы, П. А. Кропоткин (от анархистов) и Е. К. Брежко-Брежковская (от эсеров), от генералитета, меньшевиков, кадетов. Видный авторитет партии кадетов П. Н. Милюков справедливо отметил, что А. Ф. Керенский «собрал нелепое московское Государственное совещание...»³⁰⁴.

Открывая совещание, А. Ф. Керенский истерически похвалялся «железом и кровью» подавить растущую революцию. К кому относились эти слова в Большом театре так и не поняли. Генерал Л. Г. Корнилов на совещании грозился, что он готов «сжечь пол-России» или «залить кровью три ее четверти». «А Корнилов, — вспоминал П. Н. Милюков, — заранее решивший не уходить, хотел при помощи... войск произвести в Петербурге чистку и даже резню советов по своему вкусу»³⁰⁵.

А. Ф. Керенский, выступив еще раз, заявил, что «правительство постановило «вне очереди предоставить слово «странице истории». На трибуну поднялась «бабушка русской революции» — Е. К. Брежко-Брежковская,

которая тоном, напоминающим тон няни, «призывала к единению и терпению».

15 августа на совещании с политической речью выступил Г. В. Плеханов. Он также призывал к единению всех сил, к соглашению рабочего класса с буржуазией, как он выразился — «к коалиции». В грозные дни, которые переживает Россия, надо искать сближения между противоположными классами. Обратившись к представителям буржуазии на этом совещании, Г. В. Плеханов сказал: «Граждане, теперь настал момент, когда в интересах всей России и в ваших собственных интересах необходимо искать объединения с пролетариатом, необходимо искать сближения с рабочим классом...» И далее «...если России в самом деле суждено поднять свои производительные силы на уровень передовых стран Запада, то это может случиться лишь в том случае, если широкая система социально-политических реформ подымет рабочий класс из того жалкого положения нищего раба, в котором он находится до сих пор к своему горю и позору...»³⁰⁶.

«Россия переживает теперь капиталистическую революцию, — продолжал Г. В. Плеханов, — рабочему классу захватывать всю полноту политической власти совершенно неуместно». «...Раз нам предстоит еще пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним, причем на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой — буржуазия... Тот и другой класс должны искать путь для экономического и политического согласия»³⁰⁷.

Следовательно, Г. В. Плеханов пытался убедить народ в том, что не следует идти впереди прогресса и подталкивать мир в будущее, не дожидаясь когда созреют материальные условия, что не нужно забегать вперед до тех пор, пока не подтянется до определенного уровня общественное сознание.

Генерал П. Н. Краснов так описал позицию Г. В. Плеханова на совещании: «...Г. В. Плеханов не менее взволнованно призывал к единению демократию и цензовые элементы, приведя рассказ о двух кошках, которые дрались до тех пор, пока от них остались одни хвосты, и предостерегал российский пролетариат от легкомысленного захвата власти, напоминая слова Энгельса, что нет большего несчастья для страны, дела социализма и про-

летариата, как если власть перейдет в руки последнего, когда он не созрел и не подготовлен для этого».

А. Ф. Керенский снова заговорил о том, что его правительство не остановится перед тем, чтобы подавить революцию «кровью и железом», что если его не поймут, то он «вырвет цветы из своего сердца, запрет сердце на ключ и ключ бросит далеко в пропасть»³⁰⁸.

Оценивая это демагогическое выступление А. Ф. Керенского, П. Н. Миложков точно подметил: «Не государственный человек чувствовался за туманными угрозами и надутыми декларациями собственного могущества, а запуганный двусторонними опасностями дилетант»³⁰⁹.

После августовского государственного совещания в официальных правительственных кругах, а также среди крупных военных, возглавляемых генералом Л. Г. Корниловым, упорно муссировались слухи об образовании нового кабинета министров, в состав которого предполагалось ввести Керенского, Савинкова, Аргунова, Плеханова. Обсуждались также кандидатуры в министры — генерал Алексеев, адмирал Колчак, Тахтамышев, Третьяков, Покровский, гр. Игнатьев, кн. Львов...»³¹⁰.

В августе — сентябре 1917 г. в статьях «А теперь?», «Зачем нужна коалиция» Г. В. Плеханов снова призывал к классовому миру между пролетариатом и буржуазией. «Наше спасение, — писал он, — не в гражданской войне, а в сознательном всесторонне обдуманном, планомерном и добросовестном соглашении тех двух классов, совокупные усилия которых одинаково нужны при нынешних конкретных условиях для экономического обновления России»³¹¹.

После совещания Г. В. Плеханов снова слег в постель, обострилось его заболевание туберкулезом.

После свершения октябрьского вооруженного восстания Георгий Валентинович писал мало. За ноябрь — декабрь 1917 г. и январь 1918 г. появились его статьи: «А все-таки движется», «Письмо к рабочим Петрограда», «А. Б. В.».

В статье «А. Б. В.» он писал, что сорок лет он отдал пропаганде идей научного социализма среди рабочих, «но я вижу, что ни пролетарская масса, ни значительная часть интеллигенции не поняли моих идей, ни идей наших учителей Маркса и Энгельса. Но не надо унывать. Начнем сначала, с А. Б. В.»³¹².

В «Открытом письме к петроградским рабочим» Г. В. Плеханов заявил, что октябрьский переворот — аномалия, что диктатура рабочего класса возможна лишь в стране, где этот класс составляет большинство населения страны и имеет высокую сознательность.

По-разному отнеслись к этим заявлениям Г. В. Плеханова общественные деятели. Многие считали, что большевики и В. И. Ленин верно учли благоприятные для свершения революции внешние и внутренние факторы. Подтвердил вывод о правомерности революции даже Н. А. Бердяев, отметивший, что меньшевики-плехановцы «усложняли дело разговорами о том, что в России сначала нужна буржуазная революция, что социализм осуществим лишь после периода капиталистического развития, что нужно ждать развития сознания рабочего класса, что крестьянство класс реакционный и пр.»³¹³.

Предостережение Г. В. Плеханова о преждевременности социалистической революции в России вызывают размышления и по сей день. Да, действительность была таковой, что страна к 1917 г. не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой рабочий класс России составлял бы большинство населения. Поэтому невозможен немедленный переход к социализму. Однако после Февральской революции буржуазия, пришедшая к власти, оказалась неспособной решить самые жгучие вопросы: продолжалась жесточайшая война, приближалась катастрофа экономики, голод, налицо кризис верхов, невозможность примирить интересы рабочих и крестьян с имущими классами. Поэтому сама жизнь, здравый смысл подводил народные массы к новой революции. В. И. Ленин писал, «что выхода нет, объективно нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата...»³¹⁴. Даже лидер кадетов П. Н. Милюков, хорошо знавший обстановку в стране, отмечал, что «русская революция не была бы революцией, если бы она остановилась на первой стадии и не дошла до крайностей»³¹⁵. Отвечая скептикам, следует сказать, что «роковой ошибки» не было, хотя Октябрьская революция представляла собой «особенно тяжелый случай родов»³¹⁶.

Г. В. Плеханов, другие меньшевики и деятели II Интернационала, как отмечал В. И. Ленин, неустанно твердили, «что мы не доросли до социализма, что у нас нет... объективных экономических предпосылок для со-

циализма. И никому не приходит в голову, — писал В. И. Ленин позднее, — спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безысходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»³¹⁷.

Г. В. Плеханов подошел к оценке Октября догматически, исходя лишь из западно-европейского опыта. Он, как и другие деятели II Интернационала, не верил в революционные возможности российского пролетариата.

Прошла неделя после победы вооруженного восстания в Петрограде. Узнав о тяжелом состоянии Г. В. Плеханова, В. И. Ленин, несмотря на резкие политические разногласия с ним, поручил большевику В. И. Гусеву снабдить Плехановых, проживающих в Царском селе, продуктами и теплой одеждой.

31 октября 1917 г. произошел неприятный инцидент. Красногвардейцы и матросы, не зная, кто такой Плеханов, произвели обыск в его квартире. Они искали оружие и вели себя грубо.

Этот факт в искаженном виде представила газета «Единство», сообщив читателям, что квартира Плехановых была подвергнута неоднократным обыскам. Узнав об этом, В. И. Ленин обратился к ВРК и Петроградскому Совету с просьбой оградить семью Плехановых от подобных актов. На следующий день появилось такое сообщение: «Военно-революционный комитет Центрального и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов предписывает Царскосельскому Совету р. и с. д. немедленно принять экстренные меры к полному охранению спокойствия и безопасности гражданина Георгия Валентиновича Плеханова. № 2363 от 2 ноября 1917 г.»

Когда Керенский с генералом Красновым подняли контрреволюционный мятеж и овладели Царским селом, к Г. В. Плеханову явился Борис Савинков и предложил ему сформировать министерство после взятия Петрограда. Георгий Валентинович ответил: «Я сорок лет отдал пролетариату, и я не буду расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути»³¹⁸.

2 ноября 1917 г. Розалия Марковна увезла больного

мужа в Петроград на 14-ю линию Васильевского острова во французскую больницу Св. Марии Магдалины, где Г. В. Плеханов пробыл свыше двух месяцев. Отсюда он продолжал руководить газетой «Единство», которая не была запрещена Советской властью.

В канун нового 1918 г. 31 декабря семью Плехановых навестила группа студентов и профессоров Петроградского горного института, в стенах которого когда-то обучался молодой Плеханов. Эта встреча глубоко взволновала Георгия Валентиновича. В последующие дни и месяцы студенты регулярно посещали Плехановых, стремясь хоть как-то облегчить участь больного. «Мы этих молодых людей полюбили как детей своих», — вспоминала Р. М. Плеханова³¹⁹.

Родные и близкие Г. В. Плеханова, узнав об убийстве матросом бывших министров Временного правительства Шингарева и Кокошкина, находящихся на лечении в Мариинской больнице, в целях безопасности перевезли Георгия Валентиновича в санаторий Питкеярви, в 60-ти верстах от Петрограда, где продолжалось его лечение. Это произошло 28 января 1918 г.

Л. Г. Дейч в феврале 1918 г. навестил Г. В. Плеханова в этом санатории. Тяжело больной «засыпал» Льва Григорьевича вопросами о том, что происходит в Петрограде. «Несмотря на ужасное физическое и моральное свое состояние, он не переставал иронизировать, острить и пересыпать свою речь собственными иллюстрациями и ссылками на разных авторов»³²⁰.

С 18 марта по 20 мая 1918 г. состояние здоровья Георгия Валентиновича резко ухудшилось. Л. Г. Дейчу снова удалось навестить своего учителя и товарища. «Временами он высказывал мне, видимо, крайне угнетавшие его мысли, — не рано ли началась в отсталой, полуазиатской России проповедь научного социализма?»³²¹.

Перед смертью, вспоминая прожитые годы и рассказывая об этом Розалии Марковне, Георгий Валентинович «припоминал измену друзей, неблагодарность учеников, их отравленное злословием клевету, малое проникновение его идей в массы, немногочисленность сознательного пролетариата»³²².

30 мая 1918 г. Георгий Валентинович Плеханов скоропостижно скончался от эмболии сердца в санатории Питкеярви в Финляндии.

Организацию похорон Г. В. Плеханова взяли в свои руки работники газеты «Единство». К ним присоединились меньшевики, правые эсеры. Они пытались использовать имя Плеханова для противопоставления его Советской власти и большевикам.

Было так, что исполком Петроградского Совета отдал распоряжение по отношению к похоронам Г. В. Плеханова. Рабочим города не рекомендовалось участвовать в панихиде ввиду особой политической позиции усопшего. Однако жители Петрограда и, прежде всего, рабочие, достойно, с почестями проводили в последний путь этого великого человека. В траурной процессии участвовали тысячи и тысячи граждан, а также представители всех районных партийных и советских организаций города на Неве.

При жизни Г. В. Плеханов неоднократно высказывал желание быть похороненным вблизи могилы В. Г. Белинского на Волковом кладбище. Его последнее желание было выполнено.

4 июня 1918 г. на объединенном заседании Всероссийского ЦИК, Моссовета и Совета профсоюзов, в присутствии В. И. Ленина Я. М. Свердлов сообщил о смерти Г. В. Плеханова. Память Г. В. Плеханова участники заседания почтили вставанием и минутой молчания. Краткую речь произнес Л. Д. Троцкий. «Правда» опубликовала некролог, написанный Г. Е. Зиновьевым.

9 июня торжественно-траурное заседание состоялось в Петрограде, на котором выступили А. В. Луначарский, М. И. Калинин, Г. Е. Зиновьев. «Сегодня, — говорил Г. Е. Зиновьев, — опустили в могилу Г. В. Плеханова... Плеханов лелеял, растил и холил каждый маленький росточек рабочего движения, в которое он уверовал еще с самого начала 80-х годов»³²³. Все выступавшие подчеркивали огромные заслуги выдающегося теоретика, общественного и литературного деятеля перед Россией и мировым освободительным движением.

В течение многих месяцев в зарубежных странах печатались некрологи и статьи о Георгии Валентиновиче Плеханове — теоретике, политике, общественном деятеле.

Супруга Г. В. Плеханова через несколько месяцев после похорон мужа выехала за границу и, собрав архив и обширную библиотеку Плеханова в Женеве и Сан-Ремо, перевезла в Париж.